

УДК 81.42

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-103-108

ЛАОВАЙСКИЙ СЕТЕВОЙ ЖАРГОН: КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В РЕЦЕПЦИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЭКСПАТОВ (ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ)

О. В. Орлова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Исследуется обоснование актуальности и новизны проблематики комплексного лингвистического изучения лаовайского сетевого жаргона – языка интернет-общения русскоязычных экспатов в Китае. На фоне исследований русского языка восточного зарубежья и русско-китайского пограничья рассматривается история вопроса. Доказывается уникальность, как по сравнению с исторически предшествующей, так и по сравнению с другими современными двуязычными (например, англо-русской), ситуации взаимодействия русской и китайской лингвокультур в дискурсе виртуальной русской диаспоры. Отсутствие у экспатов планов на ассимиляцию в инокультурном сообществе, а также ситуация сбалансированного языкового партнерства типологически кардинально различных языков примерно равного репутационного статуса обуславливают специфику и динамику рецепции китайского языка и культуры.

Ключевые слова: язык русских экспатов в Китае, лаовайский сетевой жаргон, языковая ситуация, русская и китайская лингвокультура, ксеноним.

Без преувеличения богатейшая традиция лингвистического описания процесса и результата «встречи» русского языка с другими языками и культурами на современном этапе приобрела новый материал исследования – огромный и постоянно пополняющийся континуум фактов сетевой коммуникации русскоязычных, во-первых, с говорящими и не говорящими по-русски носителями иных языков и культур, а во-вторых, с русскоязычными в поле влияния иной лингвокультуры.

По нашему глубокому убеждению, с появлением социальных сетей и новых медиа модернизационные признаки приобретает отнюдь не только в режиме реального времени демонстрирующий «точки» межкультурных контактов материал как таковой – существенный фрагмент постоянно увеличивающегося «массива текстовой информации, который хранится в Сети» при стабильно возрастающей его «информационной насыщенности по мере прихода в Сеть новых стран и субкультур, с увеличением числа пользователей» [1, с. 23].

В парадигме интернет-лингвистики, изучающей «интернет-коммуникацию, под которой понимается коммуникативное взаимодействие в глобальной компьютерной сети интернет-пользователей с различным культурным уровнем и уровнем образованности» [2, с. 13], кардинально смещается исследовательский фокус и лингвистики межкультурного взаимодействия. Происходящая в электронной коммуникации демегафоризация выражения «буквально на наших глазах» знаменует возможность буквальной реализации динамического подхода к анализу таких лингвистических явлений, как формирование и развитие сетевых социолектов – языковых форматов общения виртуальных субкультурных сообществ, объ-

единенных каким-либо солидаризирующим их участников фактором, в том числе фактором нахождения в инокультурной и иноязычной среде.

Одним из таких сетевых социолектов, которые логично обозначить традиционной лингвотерминологической номинацией *жаргоны*, является интернет-жаргон русскоязычных экспатов (экспат – человек с гражданством одной страны, живущий и/или работающий по контракту в другой стране) в Китае – лаовайский (по самоназванию носителей данного социолекта) жаргон.

Решением каких актуальных проблем может обогатить русистику и науку о межкультурной коммуникации изучение лаовайского сетевого жаргона?

Значительный интерес этот жаргон как феномен именно сетевой лингвокультуры вызывает фактом синхронного зарождения в 1990-х гг. и дальнейшего развития самого сообщества носителей жаргона – россиян и граждан других бывших республик СССР, приезжающих в Китай в основном работать и зарабатывать, и массовой интернет-коммуникации. Однако рассматривать этот феномен невозможно в отрыве от истории языка русского восточного зарубежья в начале и середине XX в.

Дело в том, что практика более или менее многочисленного пребывания русских в Китае была на несколько десятилетий прервана по объективным историческим причинам, повлекшим массовую репатриацию и эмиграцию русских из Китая, последняя волна которых пришлась на 1950–1960-е гг., в результате чего многотысячная русская колония (за 1954–1961 гг. только из Харбинского консульского округа в СССР выехало 19 068 человек) сократилась к концу 1970-х гг. до 600 чел. (данные приводятся по источникам [3, 4]).

С 1990-х гг. в Китае наблюдается стабильно растущий поток русскоязычных экспатов: в настоящее время, «по некоторым оценкам, общее число россиян, постоянно проживающих в Китае, варьируется от 30 до 40 тыс. чел.» [5, с. 70]. Однако, по сравнению с русскими в Китае первой половины XX столетия, значительно изменился их социальный и географический статус. Если раньше русская диаспора имела крупные центры локализации (ср.: «Все они жили в Китае как бы в русском „культурном анклав“, сохраняя в чистоте родной язык, традиции и вероисповедание, одновременно приобщаясь к культурным ценностям Востока и Запада. Многие из них получили специальное образование в высших и средних учебных заведениях Харбина и Шанхая, свободно владели иностранными языками» [6, с. 91]), то сейчас русские сосредоточены по всей внушительной территории Китая, проживают во всех мегаполисах и крупных городах и, за редкими исключениями, не образуют зон локального проживания, наподобие русских кварталов в Америке.

Кроме того, «большая часть российской диаспоры в Китае сегодня – это молодые профессионалы, как правило, владеющие китайским языком и профессионально состоявшиеся специалисты», которые, подчеркнем, «не планируют ассимилироваться и получить гражданство» [5, с. 70].

Выразив сомнение в правомерности приведенного утверждения о владении экспатами китайским языком (по нашим наблюдениям, далеко не все новоприбывшие русские владеют им на уровне выше элементарного), отметим, что перечисленные обстоятельства демографического и социокультурного характера обуславливают ряд значимых для лингвистической оптики исходных.

Во-первых, это обилие естественно возникших по инициативе самих пользователей и активно развивающихся интернет-площадок, которые объединяют экспатов вокруг насущных для них проблем экономической, культурной, языковой, психологической адаптации к крайне далекой от них иностранной действительности. На наш взгляд, не будет преувеличением предположить, что, по большей части современную русскую диаспору в Китае вследствие подавляющего преобладания компьютерной коммуникации над реальной можно назвать виртуальной. В результате перед нами предстает огромный текстовый массив, вербально объективирующий процесс рецепции русскоязычным сообществом китайской языковой и социокультурной реальности.

Во-вторых, русская виртуальная диаспора Китая демонстрирует в своем речевом поведении оригинальную ситуацию языкового контактирования, ситуацию, не вполне вписывающуюся в суще-

ствующие в современной русистике концепции описания языка русского зарубежья и русско-китайского пограничья.

Что касается главной проблемы исследований языка русского зарубежья – проблемы сохранения родного языка диаспоральным сообществом, особенно в следующих поколениях [7], она в принципе не стоит перед русскими в Китае по причине их нежелания (или невозможности) укорениться в новой стране. Вследствие ясно осознаваемых временности пребывания и непреодолимости культурной дистанции речи об утрате родного языка, о необучении ему детей просто не идет. Однако помимо перечисленных экстралингвистических факторов, детерминирующих данную ситуацию, есть собственно лингвистические, лингвокультурные, социолингвистические.

Глобальные типологические различия языков на всех уровнях – от фонетики до письменности – обуславливают чрезвычайную сложность освоения китайского языка и практическое осознание его тотальной чуждости (по собственным наблюдениям, первое время нахождение в китайской устной и письменной речевой среде ассоциируется с пребыванием на другой планете). В этом же кроется основная причина весьма низких его возможностей оказывать какое-либо существенное влияние на родной язык русских экспатов, даже билингов, особенно в плане его системно-структурных свойств.

Впрочем, по данным исследований Е. А. Оглезневой [8–10], китайский язык не оказал значительного влияния и на язык русских эмигрантов первой волны (первая половина XX в.), по преимуществу сосредоточенной в Харбине. «Китайский язык как типологически иной по своим структурным и генетическим свойствам не разрушал систему русского языка», кроме того, уникальная языковая ситуация русского Харбина «характеризовалась коммуникативным преобладанием русского языка, не являющегося государственным и титульным, на территории с демографическим преобладанием китайского языка – государственного и титульного» [8, с. 13–14], а для комфортного проживания можно было не знать языка страны пребывания, который осознавался как менее социально и культурно значимый, нежели родной.

Социокультурный фактор более высокого репутационного статуса русского языка, его престижности в диаспоральном и фронтальном (пограничные территории) социуме обусловил весьма неординарные для ситуаций активного двуязычия факты. Прежде всего, это малочисленность, при условии интенсивных контактов китайцев и русских, китайских заимствований в русской речи эмигрантов [8, с. 35]. Интересно, что и среди новых слов,

пополнявших язык харбинской эмиграции в 20–40-х гг., судя по работам К. И. Косицыной [11], не было китаизмов (за исключением онимов). Кроме того, Е. А. Оглезневой особо отмечена тенденция к одностороннему использованию русско-китайского пиджина на пограничных территориях: «Эту форму речи использовала только одна сторона, участвующая в межэтнической коммуникации: в первую очередь китайцы <...>. Русские же, чей язык положен в основу русско-китайского пиджина, говорили на своем родном языке, лишь иногда вкрапляя в свою речь пиджинизированные фрагменты с целью быть лучше понятыми адресатами иного этноса, т. е. уровень их пользования пиджином ограничивался „регістром для иностранца“» [9, с. 16].

Вопрос о репутационном статусе китайского языка в сообществе современных русскоязычных экспатов – один из интереснейших в ряду требующих решения в рамках изучения этого сетевого социолекта. Однако уже сейчас можно констатировать воздействие на ситуацию русско-китайского двуязычия обозначенного В. В. Кабакчи «„принципа языкового тяготения“, языковой гравитации, в соответствии с которой влияние одного языка на другой прямо пропорционально политико-экономической значимости культуры народа-носителя данного языка (в мире и/или в конкретном регионе)» [12, с. 87].

Можно предположить, что в русской речи экспатов в Китае наличествует в корне отличная от многократно описанной «глобанализации» (только перечисление литературы по данному вопросу займет не один десяток страниц) ситуация сбалансированного языкового партнерства структурно и генеалогически кардинально различных языков примерно равного репутационного статуса, когда аксиология языка страны пребывания варьируется от прагматично-лояльной до заинтересованно-позитивной (реконструкция аксиологии и наивной лингводидактики китайского языка по зафиксированному в лаовайском жаргоне показателям метаязыкового сознания его носителей – еще одна актуальная задача будущих исследований).

Поскольку ведущими темами сетевого общения русских становятся культура и быт, язык и традиции, работа и досуг в стране пребывания, вербализующий эти темы дискурс насыщен ксенонимами-китаизмами различной степени трансплантативной адаптации (от полной графической русификации и включения в словоизменительную и словообразовательную парадигму (лаовай, лаоши, лаошишка, лаобань, шифу, чифанить, чифанька и мн. др.) до некомментируемых иероглифических вкраплений). Причем использование этих единиц часто мотивировано не информативной лакунарностью (это не

экзотизмы или онимы, коих также большое количество (одну из последних типологий ксенонимов см. в [13])), а осознанным выбором китаизма вследствие лингвокультурных и дискурсивных интенций говорящих.

Один из самых частотных таких ксенонимов, практически полностью адаптированный в речи экспатов, стал их самоназванием. Приведем наименования популярных сетевых ресурсов (это интернет-медиа, блоги, подкасты, сообщества в социальных сетях) для русских в Китае: Лаовайру, Лаовайша, Лаоваевнет, Лаовайкаст, Давай лаовай, Байки лаовай, Мудрый лаовай.

При отсутствии данной лексемы в кодифицированных лексикографических источниках и, насколько нам известно, в лингвистических штудиях, несколько весьма квалифицированных ее описаний находим опять же в Сети, где на поисковый запрос *лаовай* обнаруживается не менее двадцати обсуждений семантики, прагматики и степени распространенности слова.

Приведем некоторые мнения (орфография и пунктуация авторов сохранены): *Лаовай от кит. 老外 (lao wai) дословно Старина Иностранец. По факту – так невежественные граждане называют приезжих иностранцев, понаехавших, порой употребляя в значении «чурка». Более образованные взрослые и дети используют слово 外国人 wai guo ren, что попросту означает Иностранец (<http://davaiaowai.ru>); Лаовай употребляется только китаистами; Слово Лаовай достаточно популярно и вне среды китаистов; Лаовай слово молодое, поэтому в словари попасть не могло. Но в прессе употребляется вполне активно; про лаовай уже вполне можно писать статью (https://ru.wikipedia.org/wiki/Обсуждение:Русские_слова_китайского_происхождения); Слово Лаовай Laowai 老外, нет однозначного ответа, одни говорят, что это плохое слово, другие, что «нейтральное» <...>. Существует прозрачная грань, чтоб не спутать часто произносимое нейтральное словосочетание – с насмешливым и оскорбительным. Это неформальное слово, которое употребляется в разговорной и письменной форме китайцами. Большинство людей (т.е. большинство китайцев), называя нас Laowai, произносят это случайно, без каких-либо контекстов <...>. Но зачастую китайцы этот термин используют в неформальной, добродушной форме (<https://extratime2000.livejournal.com/5213.html>).*

Среди высказываний наивных филологов выделяется опубликованная в преддверии Пекинской олимпиады в русской версии газеты «Женьминь жибао» заметка «„Лаовай“ – хотят ли китайцы обидеть Вас?». Ее автор с целью ответить на вопрос «*Действительно ли слово „лаовай“ имеет негативную окраску?*» проследивает историю

именований иностранцев китайцами и заключает: *Недавно одна из популярных Сянганских исполнительниц заявила, что у нее много «лаовой пэнью» (друзей-иностранцев). Это словосочетание возникло в народной среде, а потому несет оттенок близости* (<http://russian.people.com.cn/31521/6325187.html>).

Как видим, наивные филологи и журналист довольно прозорливо подмечают рост употребления слова в русско-китайской интеркультурной среде, а также динамику его лингвокультурных коннотаций. Действительно, произнесенное незнакомым китайцем *лаовой* вряд ли вызовет у русского положительные эмоции, в то время как «среди своих», в сетевом общении собственного микросоциума этот ксеноним за счет свойственных ему оттенков неформальности, добродушной шутовщины, коммуникативной близости играет роль общепринятого самоназвания и маркера как собственной субкультуры, так и ее подязыка – лаовайского жаргона.

При этом китаизмы-ксенонимы в лаовайском субстандарте обладают двойным функционалом. С одной стороны, они, являясь жаргонным лексиче-

ским субстратом, выполняют все присущие жаргонной лексике функции: идентификационную, парольную, оценочную, экспрессивную, лингвокреативную. С другой стороны, будучи инокультурным лексическим субстратом, они выступают основными проводниками в мир языка, находящегося, согласно теории интерлингвокультурологии (см. [12, 14, 15]), в состоянии «вторичной культурной ориентации», языка, «обращенного в область иноязычной культуры».

Кроме того, реализующий лаовайский жаргон сетевой дискурс в целом демонстрирует в собственном развертывании динамику и специфику присущей современному русскому миру рецепции китайского языка и культуры, что вкупе со всем вышесказанным открывает большие перспективы для комплексного анализа языка сетевого общения русскоязычных экспатов в Китае с методологических позиций интернет-лингвистики и дискурсологии, контактной и компаративной лингвистики, лингвокультурологии, интерлингвокультурологии и межкультурной коммуникации, исследований языка русского зарубежья и жаргоноведения.

Список литературы

1. Ахренова Н. А. Теоретические основы интернет-лингвистики // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. С. 22–26.
2. Ахренова Н. А. Интернет-лингвистика: новая парадигма в описании языка интернета // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 8–14.
3. Аблажей Н. Н. Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2008. 341 с.
4. Кротова М. В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1950-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. 441 с.
5. Хорошайло А. Ю. Современная российская община в Китае: некоторые особенности внутренней адаптации и социокультурной коммуникации // Приволжский научный вестник. 2016. № 7. С. 69–74.
6. Таскина Е. П., Мухин И. А. Русские из Китая. Судьбы репатриантов 40–50-х годов XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 91–99.
7. Земская Е. А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 114–131.
8. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2009. 55 с.
9. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 282 с.
10. Оглезнева Е. А. Язык русского восточного зарубежья в зеркале лексикографии // Вопросы лексикографии. 2013. № 1. С. 81–92.
11. Косицына И. К. Новые слова в русском языке восточной эмиграции: словообразовательный аспект // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 3. С. 94–100.
12. Кабакчи В. В. Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. СПб.: СПбГУЭФ, 2009. С. 78–97.
13. Колмогорова А. В., Маликова А. В. Опыт тезаурусного моделирования способов объективации интерлингвокультурной картины мира (на материале произведений русских писателей-франкофонов) // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 24–31.
14. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 252 с.
15. Кабакчи В. В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб.: СПбГУЭФ, 2007. С. 51–70.

Орлова Ольга Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 03.12.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-103-108

THE LAOWAI NETWORK JARGON: THE CHINESE LANGUAGE AND CULTURE IN THE RECEPTION OF RUSSIAN EXPATS (INTRODUCTION TO THE TOPIC)

O. V. Orlova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The article is devoted to the explanation of the actuality and innovation of the issues of complex linguistic study of Laowai network jargon – the language of Russian expats in China Internet communication. On the background studies of the Russian language in Eastern countries and Russian-Chinese frontier, discusses the history of the issue. The author proves the uniqueness as compared to the historically previous and compared to other contemporary bilingual (e.g. English-Russian), the situation of interaction between Russian and Chinese cultures in the discourse of virtual Russian Diaspora. The expats have no plans for assimilation in new community and the situation of a balanced linguistic partnerships between typologically radically different languages with approximately equal reputational status determine the specifics and dynamics of the reception of the Chinese language and culture. Chinese ksenonyms in laowai substandart have a dual functionality. On the one hand, they, being jargon lexical substrate, perform all inherent in the jargon vocabulary of functions: identification, password, evaluative, expressive, creative. On the other hand, being other cultures lexical substrate, they are the main guides to the world of language, which has secondary cultural orientation, language, turned into the area of foreign language culture. A comprehensive analysis of the language network communication of Russian expats in China has great potential from the perspective of Internet linguistics and discourse studies, contact and comparative linguistics, cultural linguistics and intercultural communication, studies of the Russian language abroad and jargon studies.

Key words: *the language of Russian expats in China, laowai network jargon, the language situation, the Russian and Chinese linguistic culture, ksenonym.*

References

1. Akhrenova N. A. Teoreticheskiye osnovy internet-lingvistiki [Theoretical foundations of the Internet-linguistics]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Issues of theory and practice*, 2013, no. 10, pp. 22–26 (in Russian).
2. Akhrenova N. A. Internet-lingvistika: novaya paradigma v opisaniy yazyka interneta [Internet-linguistics: a new paradigm in the description of the language of the Internet]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of Moscow state regional University. Series: Linguistics*, 2016, no. 3, pp. 8–14 (in Russian).
3. Ablazhey N. N. *Emigratsiya iz Rossii (SSSR) v Kitay i reemigratsiya v pervoy polovine XX v. Dis. dokt. ist. nauk* [Emigration from Russia (USSR) to China and re-emigration in the first half of the XX century. Dis. doct. hist. sci.]. Novosibirsk, 2008, 341 p. (in Russian).
4. Krotova M. V. *SSSR i rossiyskaya emigratsiya v Man'chzhurii (1920-e – 1950-e gg.). Dis. dokt. ist. nauk* [Soviet Union and the Russian emigration in Manchuria (1920s-1950s). Dis. doct. hist. sci.]. Saint Petersburg., 2014, 441 p. (in Russian).
5. Khoroshaylo A. Yu. *Sovremennaya rossiyskaya obshchina v Kitae: nekotorye osobennosti vnutrenney adaptatsii i sotsiokul'turnoy kommunikatsii* [Modern Russian community in China: some characteristics of internal adaptation and sociocultural communication]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik – Privolzhsky scientific bulletin*, 2016, no. 7, pp. 69–74 (in Russian).
6. Taskina E. P., Mukhin I. A. *Russkiye iz Kitaya. Sud'by repatriantov 40–50-h godov XX veka* [Russians in China. The fate of the returnees 40–50-ies of XX century]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*, 2009, no.2, pp. 91–99 (in Russian).
7. Zemskaya E. A. *Yazyk russkogo zarubezh'ya: itogi i perspektivy issledovaniya* [The Russian Language abroad: results and prospects of research]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian language in scientific light*, 2001, no. 1, pp. 114–131 (in Russian).
8. Oglezneva E. A. *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Harbine). Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [The Russian language in the Eastern countries (on the material of Russian speech in Harbin). Abstract of thesis of doct. filol. sci.]. Tomsk, 2009, 55 p. (in Russian).
9. Oglezneva E. A. *Russko-kitayskiy pidzhin: opyt sotsiolingvisticheskogo opisaniya* [The Russian-Chinese pidgin: sociolinguistic experience of the description]. *Blagoveshchensk*, 2007, 282 p. (in Russian).
10. Oglezneva E. A. *Yazyk russkogo vostochnogo zarubezh'ya v zerkale leksikografii* [The language of the Russian Eastern countries in the mirror of lexicography]. *Voprosy leksikografii – Questions of lexicography*, 2013, no. 1, pp. 81–92 (in Russian).
11. Kositsyna I. K. *Novye slova v russkom yazyke vostochnoy emigratsii: slovoobrazovatel'nyy aspekt* [Formation of new words in the Russian language of eastern emigration]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, no. 3, pp. 94–100 (in Russian).
12. Kabakchi V. V. *Yazyk moy, kamo gryadeshi? Globalizatsiya, «globanglizatsiya» i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [My language, kamo gryadeshi? Globalization, «globenglization» and intercultural communication]. *Yazyk v paradigmakh gumanitarnogo znaniya. XXI vek* [Language in the paradigms of the Humanities. XXI century]. Saint Petersburg, 2009. pp. 78–97 (in Russian).
13. Kolmogorova A. V., Malikova A. V. *Opyt tezaurusnogo modelirovaniya sposobov ob'ektivatsii interlingvokul'turnoy kartiny mira (na materiale proizvedeniy russkikh pisateley-frankofonov)* [The experience of the thesaurus modeling of the ways of objectification of the interlingualism world

picture (based on the works of Russian writers-francophones)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University bulletin. Russian and foreign Philology*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 24–31 (in Russian).

14. Kabakchi V. V., Beloglazova E. V. *Vvedeniye v interlingvokul'turologiyu* [Introduction to intercultural linguistics]. Saint Petersburg, 2012. 252 p. (in Russian).
15. Kabakchi V. V. Tipologiya teksta inoyazychnogo opisaniya kul'tury i inolingvokul'turnyy substrat [Typology of the foreign language text descriptions of culture and other linguistic cultural substrate]. *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy* [Linguistics of text and discourse analysis: traditions and prospects]. Saint Petersburg, 2007, pp. 51–70 (in Russian).

Orlova O. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: o.orlova13@yandex.ru